

Философия**Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда:
образы взаимовосприятия китайцев и русских**

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120011409-0

Забияко Анна Анатольевна

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и мировой художественной культуры, ведущий научный сотрудник «Центра изучения дальневосточной эмиграции» Амурского государственного университета. E-mail: a.a.sciencia@gmail.com.

Забияко Андрей Павлович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой религиоведения и истории Амурского государственного университета. E-mail: sciencia@yandex.ru.

Чжан Жуян

Кандидат филологических наук, сотрудник «Центра изучения дальневосточной эмиграции» Амурского государственного университета. E-mail: 358860148@qq.com.

Аннотация:

В статье представлена история возникновения, бытования и эволюции локальных этнонимов как образов взаимовосприятия русских и китайцев. Генезис и изменения семантики этих понятий отражают сложные процессы межэтнических контактов и взаимного восприятия русского и китайского населения на территории Дальнего Востока, Приамурья и Приаргунья на протяжении конца XIX — середины XX в., а также этнической идентификации потомков русско-китайских браков в Трёхречье. Эмпирическую основу исследования составляют материалы полевых исследований этнолокальной группы русских Трёхречья и Приамурья.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 20–012–00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20-х—40-х годов. XX века)».

Ключевые слова:

Русские, китайцы, Трёхречье, Приамурье, Приаргунье, экзонимы, этнофолизмы, фольклор.

Для цитирования:

Забияко А.А., Забияко А.П., Чжан Жуян. Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: образы взаимовосприятия китайцев и русских // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 5. С. 135–151. DOI: 10.31857/S013128120011409-0.

Philosophy**Laomaози, Hodya, Fazan, Tir'da:
Images of Mutual Perception of the Chinese and Russians****Anna Zabiako**

Dr.Sc. in Philology, professor, head of the Department of Literature and World Artistic Culture, leading researcher at the Center for the Study of Far Eastern Emigration, Amur State University. E-mail: a.a.sciencia@gmail.com.

Andrey Zabiako

Dr.Sc. in Philosophy, professor, head of the Department of Religious Studies and History of Amur State University. E-mail: sciencia@yandex.ru.

Zhang Ruyang

Ph.D. in Philology, employee of the Center for the Study of Far Eastern Emigration, Amur State University. E-mail: 358860148@qq.com.

Abstract:

The article presents the history of the emergence, existence and evolution of local ethnonyms as images of the mutual perception of Russians and Chinese. The genesis and changes in the semantics of these concepts reflect the complex processes of interethnic contacts and mutual perception of the Russian and Chinese populations on the territory of the Far East, Amur and Priargunsky District during the late XIX — mid XX centuries, as well as the ethnic identification of the descendants of Russian-Chinese marriages in Trekhrechye (Sanhe). The empirical basis of the study are the materials of field studies of the ethnolocal group of the Russian Trekhrechye and Amur region.

Key words:

Russians, Chinese, Trekhrechye, Amur Region, Priargunsky District, exonyms, ethnophallisms, folklore.

For citation:

Zabiyako A.A., Zabiyako A.P., Zhang Ruyang. Laomaozi, Hodya, Fazan, Tir'da: Images of Mutual Perception of the Chinese and Russians // Far Eastern Affairs. 2020. No. 5. Pp. 135–151. DOI: 10.31857/S013128120011409-0.

Введение: локализация, источники и методология исследования

«Что такое тирьда?» — спросил китайский соавтор статьи, понимающий по-русски, после разговора с жителем деревни Караванной в Трёхречье, где в языке и культуре сохраняется колорит старой России. Русские соавторы статьи, участники разговора, не знали. Так началось наше исследование этнонимов, которые используются в речи русских по отношению к китайцам, ханьцам.

Территориальные границы исследования охватывают русские сообщества, проживающие в тесном соседстве с китайцами в примыкающих к северо-востоку Китая российских регионах Приамурья и Приаргуныя, а также в Северо-Восточном Китае, в Трёхречье и Харбине. Хронологические границы исследования очерчены периодом времени с конца XIX по начало XXI века. В силу этого объектом нашего исследования выступают ограниченные в пространстве и времени *локальные* этнонимы. Виды этнонимов различны. В поле нашего изучения находятся те, что употребляются по отношению к этносу, китайцам, только русскими, поэтому речь в статье идет о *экзонимах*. Более того, эти внешние по отношению к этносу названия в своей семантике несут преимущественно экспрессивную негативную окраску, поэтому основное содержание статьи посвящено *этнофолизмам*.

Эмпирическую основу статьи составляют материалы полевых исследований этнолокальной группы русских Трёхречья (Саньхэ, Внутренняя Монголия, КНР) и Приамурья, а также литературные источники, словари.

Этнонимы, экзонимы, этнофолизмы — вербальные выражения деятельности этнического сознания. Суть деятельности этнического сознания состоит в понимании и переживании группой феномена этничности¹. Именно поэтому этническое сознание выступает, прежде всего, как этническое самосознание — как направленность сознания этноса на постижение своей природы². Постигание этносом своих отличительных призна-

1. Забияко А.П. Категории «свой»—«чужой» в этническом сознании // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Материалы III междунар. науч. конф. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2003. Вып. 5. С. 224.
2. Забияко А.П. Этническое сознание и этнокультурные константы как фактор русско-китайских отношений // Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2009. С. 124.

ков возможно только в результате дифференциации всей совокупности этнических признаков на признаки «своей» и «чужой» этнической группы. В процессе этнической идентификации устанавливаются признаки различия и признаки сходства, выражаемые в категориях «свое» — «чужое». Важно, что категория «чужие» и отличительные признаки «чужих» групп являются отправным пунктом для определения в процессе сравнения признаков «своей» группы. Образ «чужого» необходим и первичен для этнической самоидентификации.

Поэтому в процессе этнической номинации «своего» и «чужого» особое значение приобретают *экзонимы* — наименования чужой этнической группы. В таких наименованиях фиксируются как объективно присущие, устойчивые этнические признаки другой группы, так и ситуативные, субъективные характеристики. Следует заметить, что экзонимом — вербальный образ «чужого» в этническом сознании — является не только ментальным портретом другой группы. Экзонимом как отражение характеризует и отражающее сознание, выявляет его особенности, проявившие себя в восприятии других этнических общностей.

Культурные различия, запечатлеваясь в сознании, как правило, приобретают оценочные характеристики, маркируются как положительные или отрицательные качества. Язык запечатлевает эти образы восприятия нередко в экспрессивных этнонимах с негативными коннотациями — в этнофолизмах³.

Лаомаоцы — типичный образ русских в этническом сознании ханьцев

Одним из первых экспрессивных наименований русских в китайской культуре было слово *лоча* (羅刹, 罗刹, luóchà). Этимология этого слова до сих пор остается предметом дискуссии в российской, китайской лингвистике. Одна часть участников считает, что появившееся около XVII в. слово — китайского происхождения и исторически оно связано с усвоенным через буддизм наименованием сеющих смерть ужасных демонов — ракшасов (*санскр. rakṣa*); из китайского языка оно перешло в языки соседних народов как обозначение вторгшихся воинственных русских. Другая часть полагает, что это слово пришло в китайский язык из монгольского или тунгусо-маньчжурских языков, где оно возникло как фонетическая адаптация этнонима *русский* и там встретилось с наименованием демонов⁴. Так или иначе, в маньчжурском языке в цинский период китайское *лоча-демон* органично соединилось со словом *лочан* — *безобразное лицо*, которому соответствовали представления о необычном внешнем облике русских. В итоге сема *демон-убийца* и сема *безобразный облик* образовали общую семантику возникшего в цинской культуре этнонима *лоча* в значении *злой демон с безобразным лицом*. Наиболее близкими к разрешению проблемы нам представляются некоторые суждения С.М. Широкогорова: названия *луча*, *лоча*, *лочан*, в тунгусо-маньчжурских языках обозначавшие русских, «имеют прямое или косвенное происхождение от *рус. русский*», они «представляют собой ассимилированные варианты их произношения»⁵. Эти слова — нетунгусского происжде-

3. Мокшин Н.Ф. Мордва — этноним или этнофолизм? // Советская этнография. 1991. № 4. С. 84–93.

4. Ши Янь. Мань юй «locha» хэ «oros» дэ юй лай тань си: [Изучение происхождения маньчжурских слов «locha» и «oros»] // Си бэй минь цзу янь цзю: [Исследование Северо-западных народностей]. 2013. № 1. С. 76–81; Го Вэньшэнь. Е ло сы го цзя мин чэн бянь цянь као — Цун «Лоча» дао «Е ло сы»: [Изучение изменения названия Российского Государства с «Лоча» в «России»] // Цзян вэй лунь тань: [Трибюн Цзянвэй]. 2010. № 3. С. 107–113.

5. Широкогорov С.М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп). М.: Наука, 2017. С. 154–155.

ния, но «не имеют ничего общего с названием духов» — *rakča*. Китайское название 羅刹 *luóshà* «применительно к русским было введено при императоре Канси»⁶, но в документах оно появилось даже раньше — при Шэньчжи. Обратим внимание, в развитие позиции С.М. Широкогорова, что фонетически близкие слова распространены для наименования русских в языках некоторых народов Сибири (например, у ненцев, принадлежащих к соматидийской группе уральской языковой семьи: *луце, луца — русский*).

Не вдаваясь далее в тему этимологических реконструкций, заметим, что откуда бы ни начинались пути происхождения *лоча*, это понятие уже во второй половине XVII века приобрело в сознании подданных Цин устойчивую семантическую конструкцию — *безжалостный демон с безобразным лицом*. В нем реалии военных конфликтов соединились с этическими, религиозными и антропологическими представлениями китайцев о русских. Слово *лоча* (*лоса*) еще первой половине XX века оставалось общим наименованием русских в Шанхае и некоторых других регионах Китая.

Многим русским, имевшим или имеющим живой опыт общения с ханьцами, китайцами, или знакомым с литературой, хорошо известно слово *лаомаоцзы*. Это слово было широко распространено в прошлом, существует оно и в современных условиях, в том числе, в языке русских Трехречья, в большинстве своем билингвов.

Лаомаоцзы — экзоним, который появляется в китайском этническом сознании и языке как отражение визуального образа русских. Считается, что он возник первоначально на севере Китая, в провинциях Шаньдун и Хэбэй, и получил распространение в XIX веке — там и тогда, где и когда контакты китайцев (ханьцев) и русских были наиболее тесными. Идеино-психологическое содержание контактов с обеих сторон носило двойственный характер, во многих ситуациях, в силу прежде всего политических обстоятельств, негативные представления и эмоции получали преобладающее значение. В основу семантики *лаомаоцзы* изначально положен образ восприятия внешнего облика «чужих» — русских, а именно — их повышенного волосяного покрова не только на лице, но и на теле в отличие от гладкокожих китайцев. 老毛子 (*lǎomáozi*): *груб.* «волосатый, волосатик» (русский, иностранец); *букв.* «длинноволосый» (прозвище русских в Харбине в 30–40-е годы XX века)⁷.

Понятие *лаомаоцзы* фиксировало в первичном значении отличие в области физической антропологии. Следует, однако, учитывать, что задолго до XIX века повышенная в сравнении с китайцами волосатость — признак физической антропологии — в китайском сознании была конвертирована в признак культурной антропологии, который исторически ассоциировался с состоянием варварства, некультурности, дикости. Поэтому, отталкиваясь от исходного значения, семантика *лаомаоцзы* развивается в сторону значений «варварство», «звериный характер» и выражает негативное отношение к «волосатым». «Большой словарь новой и новейшей истории Китая» приводит значения и цитирует фразы, в которых признаки «длинноволосости», «неостриженности» сопрягаются со значениями *животной агрессивности*⁸. Воинственность и жестокость, с которой могли сталкиваться китайцы со стороны русских в конкретных условиях второй половины XIX — начала XX века, акцентировала отрицательные смыслы «животное состояние» контаминациями «грубости», «жестокости» и т.п. Китайские источники систематически

6. Широкогородов С.М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп). М.: Наука, 2017. С. 155.

7. Лю Цзэжун. Э хань да цзы дьянь: [Большой китайско-русский словарь]. Пекин: Шан у инь шу гуань, 1960. С. 1384.

8. Да цзы хай чжун го цзинь дай ши цзюань: [Большой словарь китайской новой и новейшей истории]. Шанхай: Шан хай цы шу чу бань шэ, 2013. С. 273.

сопрягают «волосатость» с агрессивностью. Но не только негативное отношение к крайней брутальности определяет эмоциональную окраску *лаомаоцзы*.

Семантика «волосатости» характерным для китайской ментальности образом выражает презрительное отношение к носителям такого внешнего признака. «Большой словарь истории Китая», как и некоторые другие словари, фиксирует два родственных понятия, которыми в период восстания ихэтуаней называют иностранцев — *лаомаоцзы* и *янмаоцзы*. Второе понятие лучше помогает раскрыть ключевую сему «волосатости». *Янмаоцзы* (洋毛子), *yángmáozi* — слово, обозначающее человека с «заморскими», или «чужими», волосами, чужеземца. Словарь разъясняет важный нюанс появления такого названия: в слове *янмаоцзы* есть иероглиф 洋 (*yáng*, «заморский»), который является омофонимом иероглифа 羊 (*yáng*, «баран»). Тем самым в устной речи слово *янмаоцзы* звучит как явный намек на «баранью», «животную» природу чужеземцев⁹. *Янмаоцзы* — этнофолизм, презрительная кличка «иностранных агрессоров», в котором негативное значение «волосатости», присутствующее и в *лаомаоцзы*, усиливается коннотацией «баран», «животное» и недвусмысленно указывает, что носитель наименования относится к миру природы, а не культуры, животных, а не людей. В китайской ментальности причастность к культуре (в её наиболее употребительном понимании) являлось мерилем высоких этических и эстетических качеств; и напротив, природно-животное состояние являлась признаком худших качеств.

Другое родственное *лаомаоцзы* по составу и смыслу слово — *баймаоцзы* (白毛子), *báimáozi*, в котором первый иероглиф «белый» указывает на цвет волос чужаков («беловолосые»). Эта конструкция, формально фиксирующая биолого-антропологический признак — цвет волос, в культурно-антропологическом ракурсе не нейтральна. *Баймаоцзы* — этнофолизм, которым, например, в снисходительно-презрительном смысле китайцы 1930-х годов называли русских эмигрантов¹⁰.

Еще одним словом, в котором биолого-антропологический признак дополнялся резко отрицательными культурно-антропологическими коннотациями, было понятие *дабицзы* (大鼻子), *dàbizi*, «длинноносые». В качестве этнофолизма оно было широко распространено на северо-востоке Китая по отношению к русским и вплоть до настоящего времени присутствует в языке китайцев разных поколений¹¹.

Существовали также другие понятия, родственные в своей семантике и прагматике *лаомаоцзы*. Однако именно *лаомаоцзы* является, как показывает наш опыт, основным понятием-экзонимом и этнофолизмом, прилагаяемым к русским в таких ситуациях, которые предполагают негативное отношение.

Русским этот китайский этнофолизм был хорошо известен. А. Несмелов, харбинский писатель-эмигрант, обращающийся в своем творчестве к проблемам этничности в условиях тесных русско-китайских контактов, образу *лаомаоцзы* — *ламы* уделяет немало места в своих произведениях. В текстах Несмелова *ламоза* — это, во-первых, *просто русский человек* в восприятии китайца, живущего на северо-востоке (рассказ «Ламоза», поэма «Нина Гранина» и др.). Во-вторых, это *русский большевик* в восприятии членов русско-китайских семей. Причем этот образ русского *большевика-ламы* обретает

9. Чжун го ли ши да цзы дянь: [Большой словарь китайской истории]. Шанхай: Шан хай цы ту чу бань шэ, 2010. С. 115.

10. Шу Цюнь. У го цзи дэ жэнь мэнь: [Апатриды] // Шу Цюнь. Чжаньди: [Поле боя]. Шанхай: Бэй синь шу шэ, 1938. С. 253.

11. Дин Лин. Ши жэнь я лов: [Поэт Ялов] // Дин Лин. Вэнь цзи: [Избранное]. Пекин: Жэнь минь вэнь сюе чу бань шэ, 1981. С. 383–384.

признаки нечистой силы: «пугают тут ребят ламозами, то есть большевиками... Как в России домовыми» («Драгоценные камни») ¹².

По мере миграции китайцев на северо-западные окраины Маньчжурии этнофоллизм *лаомаоцзы* проник и на территорию Трёхречья. Здесь с ним произошли значительные изменения, обусловленные особой этнической средой функционирования. Существование русской диаспоры на территории Северо-Восточного Китая имеет долгую и непростую историю, связанную как с драматическими событиями на родине исхода, так и с сильнейшими потрясениями, которые пережил Китай за последние 150 лет. Миграции китайцев, их расселение и обустройство в первоначально однородно русских деревнях оказало влияние на обе этнические группы. Русское и китайское население Трёхречья существовало бок о бок, заключались русско-китайские браки, рождались дети. Современные представители русской народности Трёхречья — потомки межэтнических браков с первого по пятое поколение. Их этничность, несмотря порою на плохое владение русским языком, вмещает в себя и русский, и китайский компоненты, но в ситуации самоаттестации они уверенно называют себя русскими ¹³.

В современном разговорном китайском языке, в том числе русских трёхреченцев-билингвов, существует несколько слов, обозначающих потомков русско-китайских браков в первом, втором, третьем поколении: 毛子 (máozi, «волосатый») ¹⁴ — по отношению к исконным русским, 老毛子 (lǎo máozi, «старший волосатый»), 二毛子 (èr máozi, «второй волосатый»), 三毛子 (sān máozi, «третий волосатый») — соответственно, по отношению к потомкам первого, второго, третьего поколения. Данные слова носят уничижительный смысл ¹⁵. Потому наши трёхреченские информанты — потомки межэтнических браков, пережившие годы «культурной революции», оскорблений и репрессий, негативно воспринимают даже попытки расспрашивать о случаях употребления данных этнофоллизмов по отношению лично к себе и своим ровесникам. Однако рассказывая о взаимоотношениях «чисто русских» и «чисто китайских» старших родственников, они воспринимают понятие *лаомаоцзы* вполне лояльно. Объяснением тому служит их маргинальная этничность: «Половина русска — половина китайска» (Зап. от Альгеи Астафьевой 黄秀珍, Huang Xiuzhen, 1935 г.р. (урожд. д. Усть-Уров), д. Покровка (Шан-Кули, КНР). Соб. А.А. Забияко, А.П. Забияко, Чжан Жуян, октябрь 2015 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Остановимся на двух наиболее показательных примерах употребления *лаомаоцзы* в устных меморатах. Мемораты русских Трёхречья отражают сложную историю межэтнических, этнокультурных, этнорелигиозных контактов русских и китайцев в XIX—XX вв., процессы складывания образов взаимного восприятия контактирующих этносов

12. Об этом: Забияко А.А. «Кто ты, чьей семьи подкидыш?»: проблема этничности в культурном сознании дальневосточных эмигрантов (М. Щербаков, Н. Резникова, А. Несмелов) // Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. С. 392–420.

13. Забияко А.П., Забияко А.П. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Изд-во Института археологии, антропологии и этнографии Российской академии наук, 2017. 365 с.

14. 二毛子 (èr máozi): 1) жарг. «потомок русско-китайского брака»; 2) жарг. «обрусевший»; 3) жарг. «выходец из бывшего СССР кроме русских» (обычно об украинцах или белорусах); 4) устар. «холуй иностранцев» (о китайце компрadore или крещёном). Цит. по: Лю Цзэжун. Э хань да цзы дьянь: [Большой китайско-русский словарь]. Пекин: Шан у инь шуа гуань, 1960. С. 1384.

15. Тан Гэ. Чжоу го дун бэй ди цюй э и: Цзу чэн хэ цюнь цзу жэнь тун: [Русские потомки в Северо-восточном районе Китая: название народности и идентификация этнической группы] // Си бо ли янь цю: [Исследование Сибири]. 2004. № 5. С. 49–53.

и в конечном итоге образов самовосприятия представителей этой этнолокальной группы русских¹⁶. Неслучайно поэтому в меморатах появляется название *лаомаоцзы*.

Русский трёхреченец, житель города Эргуна Владимир (Володя) Башуров, практически не говорящий по-русски, рассказывает «историю» общения его бабушки-китайца и бабушки-русской.

«Yíqián tīng wǒ lǎolao dǎo gū, hé wǒ lǎoyé duìhuà de shíhòu, wǒ lǎoyé yī zhèng ne: Lǎo máozǐ! Wánliǎo, tā jiù dāyinglē, guǎn tā jiào lǎo máozǐ, hāhā hā. Wǒ lǎolao yě xuéhuì yǐjù nàgè, jiùshì guǎn lǎotóu er jiào: Houjiā! Tā shì shāndōng rén ma: Zǎ! Zǒu shà? Jiùshì, tā shuō hànǚ, tā shuō èyǔ, yǒu shíhòu tāmen jiù jiāoliú, yòng zhè zhōng xíngshì». «Раньше слышал от бабушки, что когда мой дедушка (папа мамы) с бабушкой (мама мамы) разговаривают, мой дедушка часто: “Лао Маоцзы!” Она <ему> отвечает... Он её зовёт: “Лаомаоцзы!” Ха-ха-ха! Так моя бабушка тоже научилась, чуть что: “Ходя!” А бабушка — шаньдунец, отвечает: “Цза! Цзоу Ша!” — это шаньдунское местное устное наречие: “Да, что надо?”. Он по-китайски, она по-русски, такая у них перекличка» (Зап. от Володи Башурова 尹宗兴, Yin Zongxing, 1947 г.р. (урож. д. Усть-Уров), г. Лабдарин (КНР). Соб. Чжан Жуян, 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Варвара Ушакова, жительницы Эргуна, вспоминает: «Éluósīrén lái sānhé shíhòu, zhōngguó rén jiù guǎn tāmen jiào “lǎo máozǐ”. Zhè dōu shì zhēnduì éluósīrén de. Zàijiā éluósī qīzi yībān dōu jiào zhōngguó zhàngfū “huǒjǐ”, “lǎotóu” huòzhè zhíjiē jiù hǎn, “éi”“ní”“hēi”. Yǒu shíhòu, lǎotóu er shēngqǐle, tā yě hǎn éluósī lǎo tàitài “lǎo máozǐ”». «Когда русские появились в Трёхречье, китайцы стали звать русских “лаомаоцзы”. Это такое название для русских. Дома русская жена зовёт китайского мужа: “Ходя! Старичок!” или просто кричит: “Эй, ты! Хэй!” Иногда, наоборот, если старичок сердится, он зовёт русскую старуху: “Лаомаоцзы!”» (Зап. от Варвары Ушаковой 辛桂云, Xin Quiyun, 1945 г.р. (урож. п. Сиратуй), г. Лабдарин (КНР). Соб. Чжан Жуян, апрель 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Показательно, что в контексте данных меморатов понятие *лаомаоцзы* не имеет однозначно оценочного восприятия одного этноса другим. В этническом сознании русских Трёхречья негативные коннотации *лаомаоцзы* в прагматике внутрисемейного общения участников русско-китайских браков ослабевают до полушутливо-дразнящих или приобретают нейтральный характер.

Нельзя не обратить внимание на неожиданное развитие в языковом сознании трёхреченцев словообразовательной модели *лаомаоцзы*. В интервью на китайском языке наши информанты рассказывают нарративы, фиксирующие усиление при определенных обстоятельствах негативной окраски экспрессивного этнонима *лаомаоцзы* вплоть до оскорбительной. Такую окраску оно приобретает именно в условиях тесного языкового общения, порождающего пиджин-модели:

«Zhōngguó rén yǒu shíhòu mà sūlián rén: “Lǎo máozǐ” “hú yāozǐ”, “hú yāozǐ” shì èyǔ li de “zāogāo, bù hǎo”. Zhōngguó rén jiùshì zhème mà éluósī rén de, yīnwèi sūlián rén jiùshì zhème mà de tāmen. Yīn wéi zhōngguó rén tīngzhe bù hǎo dehuà zhīhòu, jiù fǎn guòlái mà sūlián rén, shēngqǐ. Xiànzài dōu hěn shǎo shuōle, dōu bù mǎrénle, yě dū wàngle. Zhèxiē huà dōu shì chún sūlián rén hé zhōngguó rén xiānghù zhī jiān jiǎng de». «А китайцы ругались на советских: “Лаомаоцзы!”, “Хуяоцзы!” А “хуяоцзы” — это от советского “х.во!”. Но китайцы так потому ругались на советских (советский — синоним этнонима «русский») в речевой практике современных пожилых китайцев. — Прим. авт.), потому что советские так матерились на них. Советские часто говорили “х.во”, и сейчас <говорят>. А китайцы слышали, и наоборот, ругали советских, чтобы советские сердились» (Зап. от

16. Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 17. С. 109–125.

Варвары Ушаковой 辛桂云, Xīn Quiyun, 1945 г.р. (урож. п. Сиратуй), г. Лабдарин (КНР). Соб. Чжан Жуян, апрель 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Возникновение этнофолизма *хуяоцзы* с усиленной негативной окраской за счет контаминации известной лексемы из русского мата и китайского постфикса *zi* (в значении 子) в данном случае объясняется словообразовательной моделью китайского именования (качество + имя = новое имя), и отражает народную этимологию.

Ходя — типичный образ китайцев в этническом сознании ханьцев

Название *ходя* было столь же широко распространено в русской среде, как и наименование *лаомаоцзы* в китайской.

В судьбе экзонима *ходя* в русском этнокультурном сознании причудливо переплетаются китайские и русские влияния. Во второй половине XIX века в силу климатических и социально-политических процессов резко ухудшается экономическая ситуация в китайских провинциях, прилегающих к Северо-восточному Китаю. Между тем быстро развивающаяся экономика российских Приамурья и Приморья, промышленность и сельское хозяйство Забайкалья, русские деревни Трёхречья, амурские прииски, затем строительство КВЖД, Харбина, других городов и поселков дают заработок и кров китайцам-мигрантам. Среди них было много выходцев из провинции Шаньдун, одной из ближайших к Маньчжурии и сильно бедствовавшей¹⁷.

Обращение и именование *ходя* по отношению к китайцам было широко известно на российском Дальнем Востоке и в Северной Маньчжурии в первой половине XX века, о чем свидетельствуют данные фольклора — популярные частушки той поры.

Нынче ходи стали в моде,

Надо ходю полюбить,

А у ходи чину нету,

*Он пойдет дрова рубить*¹⁸.

В 20-е—30-е годы прошлого века в харбинском изводе эта частушка приобретает несколько иной вариант, отражая новый этап взаимодействия русских невест и китайских женихов:

Нынче ходи снова в моде,

Надо ходю полюбить,

*А у ходи нет даянов*¹⁹,

Он пойдет дрова рубить.

(Зап. от Любови Николаевны Шитовой (Ли), 李金玉, Lǐ Jīnyu, 1931 г.р., г. Харбин (КНР). Соб. А.А. Забияко, Чжан Жуян, Цзюй Куныи, 2019 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

В 1920-е—30-е годы *ходя* как демократическое название китайского мигранта укоренится и в советской литературе²⁰, например: «Это был замечательный ходя, настоящий шафранный представитель Небесной империи, лет 25, а может быть, и сорока? Чорт его знает! Кажется, ему было 23 года» (М. Булгаков «Китайская история»).

17. Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности... С. 10.

18. Блохин Б.В. Г.С. Новиков-Даурский — собиратель фольклора // Да ведают потомки... (к 100-летию Амурского областного краеведческого музея). Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей. 1991. С. 43–52.

19. Даян (大洋, Dayang) — устн., то же самое, что 銀圓 (Yinyuan, юань) 銀洋 (Yinyang, Иянь, 洋钱 (Yangqian, янцян) — монеты, изготовленные из серебра. Использовались в Китае с древнейших времен // Сянь дай хань юй цзы даянь: [Современный словарь китайского языка]. Пекин: Шан у ин шуа гуань, 2002. С. 1767.

20. Забияко А.А., Сенина Е.В. Образ восприятия Китая и китайцев в советской литературе и публицистике 1920–1940 гг. // Rossica Olomucensia. Olomouc, 2019. Vol. LVIII. Num.1. С. 67–86.

Согласно «Толковому словарю русского языка» Д.Н. Ушакова, изданному в 1935–1940 гг., *ходя* — «пренебрежительное название китайца»²¹, тогда как «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, первое издание которого вышло в 1949 г., определяет это слово нейтрально: просто «прозвище китайца, китайцев»²², что, видимо, отразило утрату этим словом негативно-оценочной коннотации. Современные словари не включают толкование данного слова, так как оно ушло в пассивный запас, устарело²³.

В сознании пожилых амурчан, выросших в соседстве с китайскими ребятишками, сохраняется память о словоупотреблении данного экзонима: «У нас китаец, дядя Вася старый, был. Он с большой корзиной ходил, и мы вокруг бегали и кричали: "Ходя! Ходя!"».

– А почему?

– А у нас в народе все их так звали. А потому что он по улице *ходил* и овощи продавал, а мы его дразнили... Потому что *ходит* по улице с корзиной под бок...» (Зап. от Альвины Николаевны Смолянской, 1939 г.р. (урож. п. Октябрьский Амурская обл.), г. Благовещенск (РФ). Соб. А.А. Забияко, апрель 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Как видно, в этническом сознании жителей российского Дальнего Востока и Забайкалья происхождение экзонима *ходя* уже давно связано с глаголом «ходить». Коренная харбинка Наталия Николаевна Лалетина вспоминает о годах своей харбинской юности (до 1954 г.): «*Ходями* китайцев — конечно, звали! Их за глаза, а подружка моя была полукровка, в споре ее называли, даже я. Она злилась и даже плакала. “Ходя” или “ходька” — *потому что они ходили на пятках* в тряпичных туфлях от глагола “*ходить*”» (Зап. от Наталии Николаевны Лалетиной, 1935 г.р. (урож. г. Харбин), г. Рига (Латвия). Соб. А.А. Забияко, апрель 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Однако подобные этимологические пассажи нельзя воспринимать как достоверные — перед нами явный случай народной этимологии. Тем более, вызывает серьезные нарекания попытка данные вторичной народной этимологии представить в качестве научного обоснования обсуждаемого экзонима²⁴.

Поводом к тому становятся мемуары наших трёхреченских информантов, в совершенстве владеющих китайским языком:

«Yàoshi làotóuer huì éyǔ dehuà, tāmen jiù zhíjiē yòng éyǔ jiào sūlián lǎo tàitài de míngzì. Yàoshi bù huì jiǎng éyǔ de, zhōngguó làotóu er zàijiā dōu guǎn sūlián lǎo tàitài jiào “huōji”. Wǒ bà tā huì sūlián huà, tā yībān jiào wǒ mā sūlián míngzì. “Huōji” tāmen dōu xiǎnghù jiào de, bùguāng wǒ mā zhème jiào wǒ bà» «*Если старичок понимает по-русски, он позовет советскую старуху по-русски, по имени... А если в семье китайский старичок не понимает по-русски, тогда он позовет советскую жену: “Ходя!”*. Наши-то родители по-советски понимали, он часто мою маму по-советскому имени звал» (Зап. от Анны Первоухиной 朱玉花, Zhu Yuhua, 1953 г.р. (урож. д. Ернишная), д. Караванная (КНР). Соб. Чжан Жуян, апрель 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Wǒ bà mā tāmen dōu jiào “huōji” — qítā rén yě dū xiǎnghù zhème jiào» «*Ходей не только моя мама отца звала — они так друг друга называли!*» (Зап. от Ивана Дементье-

21. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. С. 1166.

22. Словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов. М.: ОГИЗ, 1949. С. 861.

23. *Мэнвэй Чжу, Милянчук Н.С.* Изображение китайского характера в произведениях русского писателя дальневосточной эмиграции Михаила Щербачева // Межкультурная коммуникация в новой эпохе: теория и практика: Сб. науч. трудов. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2019. С. 85–95.

24. *Младенова О.М.* Русское *ходя* // *Этимология (2006–2008)* / под ред. Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлева, Л.В. Куркиной, И.П. Петлевой. М.: Наука, 2010. С. 191–192.

ва 果富贵, Guo Fugui, 1945 г.р. (урож. д. Караванная), д. Караванная (КНР). Соб. Чжан Жуян, апрель 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Как видно, бикультурная компетентность трёхреченских потомков русско-китайских браков позволяет им понять нейтральный смысл названия родителями друг друга. Это происходит потому, что экзоним *ходя* — китайского происхождения.

Действительно, *ходя* — слово китайское: *хоуцзи*, 伙计 (*huǒjì*). Его основные значения:

1) товарищ по работе, напарник (обращение друг к другу) (*Héhuǒ de rén; huǒbàn (yòng lái dāngmiàn chēnghu duìfāng)*). В «Записи Цзинь» (автор Шэнь Сысяо, дин. Мин (1572–1620 гг.) есть запись про шаньских купцов: «В Пиняне, Цзе и Лу <...> все купцы занимаются общим делом, и их называют *хоуцзи*». В романе «Цветы сливы в золотой вазе» (фабула основана на событиях, происходящих в Шаньдуне) главный герой Си Мэньцин нанимает человека. Такого человек именуют *хоуцзи*: «Míng wànlì niánjiān chéngxiàosì zài “jīn lǜ” zhōng chéngshù shānxī shāngrén shì shuō: “Píngyáng, zé, lù, háoshāng dà jiǎ jiǎ tiānxià, fēi shù shí wàn bù chēng fù... Qí héhuǒ ér shāng zhě, míng yuē huǒjì»;

2) устар. обращение к продавцу, работнику (*Jiùshí zhī diànyuán huò chánggōng*)²⁵.

В современных китайских словарях фиксируются диалектные варианты значения слова и производные от его основы, например, дахоуцзи, 打伙计 (*dahuoji*): посредник, поверенный в любовных делах между парнем и девушкой (в северо-шаньском диалекте). «Dǎ huǒjì — “ní kàn zhège dǎ huǒjì, chě qì bù chě qì.” Yuánzhù: “Shǎn běi fāngyán chéng nǎnnǚ liàn’ài wèi dǎ huǒjì». «Ты смотри на этого дахоуцзи, обиделся или нет»²⁶.

Другой словообразовательный вариант данной семы — *гэхоуцзи* 摺伙计 (*huǒjì*), где 摺 *gē*, *ge* — глагол «складывать». Слово *гэхоуцзи* обозначает:

1) людей, которые вместе работают (партнеров, коллег); например: Tāmen xiànzài gē huǒjì. «Они сейчас *гэхоуцзи*» (Они сейчас работают друг у друга);

2) влюбленных друг в друга парня и девушку (до брака);

3) мужчину и женщину, соединившихся после развода или после смерти супругов, создавших новую семью, но не закрепивших этот союз брачными узами. Наиболее часто употребляется по отношению к овдовевшим старикам, которые соединились в новую семью.

Как раз в абсолютно нейтральном значении словоупотребление *ходя* — как обращение к другу, подруге (товарке) — фиксируется в меморатах амурских китайцев, потомков тех самых забайкальских рабочих-золотодобытчиков, волею исторических перипетий оставшихся на советской территории:

«— *Ходя, ходя*... Это так китайцы друг друга называли, када детство наше, када маладые были., Чухайма, наша маладежь. “Молодой человек” эта. Язык китайский сейчас обновляется, наверна... Да? А это старый еще, старинный... жанр ихний разговора. “Молодой человек” — *ходя*. От кто. “*Ходя, пашли!*”, — от-так. Ну, эта када итти куда — к Оле Чухайма, к Лизе — к своим, тама к каму ицо, к китайцам, к Мане Чухай: “*Ходя!*» — молодой человек».

«— А не обижались китайцы, когда их так называли?»

— Нет, нет — почему же??? Так просто себя называли — “молодой человек”, “*ходя*» (Зап. от Валентины Федоровны Дидичук, 1945 г.р. (урож. п. Горациевский, Зейский р-он, Амурская обл.), г. Циолковский (Свободненский р-н Амурской обл., РФ). Соб. Я.В. Зиненко, апрель 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

25. Сянь дай хань юй цзы дьянь: [Современный словарь китайского языка]. Пекин: Шан у ин шу гуань, 2002. С. 576.

26. Шань бэй минь гэ цзи: [Народные песни Севера Шэньси]. Пекин: Синь хуа шу дьянь, 1950. С. 283.

Судя по данным языка и фольклора, обращение *ходя* в этнолокальных группах (русско-китайских, китайско-русских семьях, их потомков) не воспринималось в общепотребительном значении как экзоним — в отличие от этнофолизма *лаомаоцзы* (и его деривата с матерщинным корнем). Функцию экзонима слово *ходя* приобретает исключительно в русской лингвокультурной среде, где китаец воспринимается в качестве «чужого». Употребляясь в качестве экзонима, *ходя* теряет и свою первичную номинацию, обретая этимологическую мотивировку, понятную русской наивной картине мира.

Чёрт, салат, фазан

«Éluósī rén yǒu shíhòu shēngqì de shíhòu jiù mà zhōngguó rén: “Чёрт!”, “Фазан!”, “Салат!”, Nǐ zhīdào zánmen zhōngguó de báicài dōu shì zhǎng de, éluósī de bāo cài shì yuán de bāo cài, zánmen de shì zhǎng de». «Русские, если сердились, ругались на китайцев: "Чёрт!", "Фазан!", "Салат!" (Зап. от Варвары Ушаковой 辛桂云, Xin Quiyun, 1945 г.р. (урож. п. Сиратуй), г. Лабдарин (КНР). Соб. Чжан Жуян, 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Происхождение экзонима *чёрт*, *черти* по отношению к китайцам вполне укладывается в широко распространенную в разных культурах традицию соотнесения представителей иного этноса с нечистой силой. В традиционном русском религиозном сознании чужбина и чужаки нередко были представлены в инфернальных образах в противоположность отчизне, месту праведному, святому, что налагало на чужеземцев или чужаков вообще признаки *чертей* (см., например, «чужаки» — «черти», «нечистая сила», «аспиды» в повести В. Распутина «Прощание с Матёрой»). Китайцы по сходной модели называли европейцев «заморские черти» (洋鬼子, *yángguǐzi*). В русской среде Трёхречья, согласно толкованиям наших информантов, бытование экспрессивного этнонима *чёрт* семантически связано также с внешним видом китайцев: черным цветом волос и их тёмной кожей.

Локальное этническое прозвище *салат* может показаться крайне странным. В традиционной китайской кухне салат в обычном русском, европейском понимании отсутствовал. Китайское слово 色拉 (*sèlā*, «салат»), производно от европейских вариантов слова *салат*. Почему же тогда китаец — *салат*?

Варвара Ушакова объясняет: «Nǐ zhīdào zánmen zhōngguó de báicài dōu shì zhǎng de, éluósī de bāo cài shì yuán de bāo cài, zánmen de shì zhǎng de». «Ты знаешь, салат — это китайская длинная капуста, русская капуста круглая, китайская такая длинная» (Зап. от Варвары Ушаковой 辛桂云, Xin Quiyun, 1945 г.р. (урож. п. Сиратуй), г. Лабдарин (КНР). Соб. Чжан Жуян, 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ]. Таким образом, согласно народному словоупотреблению, круглая, русская капуста — это капуста, а длинная, китайская капуста (*лат. Brassica rapa subsp. Pekinensis*) — это салат. Поэтому китаец, употребляющий в пищу пекинскую, китайскую капусту, — *салат*.

Экзоним *фазан*, долгое время бывший распространенным на территории Забайкалья, Северной Маньчжурии и Амурской области (вплоть до середины 50-х годов прошлого века), сегодня практически утратил семантическую связь с первоначальным — об этом свидетельствуют данные словарей. В современном литературном языке в прямом номинативном значении:

1. Фазан — *крупная птица отряда куриных с ярким опереньем*²⁷.
2. Фазан, -а, фазанёнок, -нка, м. 1. *Воображала, пижон; молокосос*.
3. *Молодой солдат весеннего призыва (из арм.)*; возможно влияние уголовного жаргона, где «фазан» — *молодой, неопытный вор*²⁸. Употребляется в воровском (уголовном) жаргоне в переносном, метафорическом значении:

27. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1999. С. 548.

4. Фазан — «афера, обман»; «молодой неопытный вор»; «фазана зарязать» — *врать*²⁹.

В конце XIX — первой половине XX века номинатив «фазан» имел широкое употребление в забайкальском говоре в значениях: «китаец»; «подросток»; «афера, обман»³⁰.

Ясно, что в значении «китаец» экзоним *фазан* представляет собой пример вторичной номинации, которая предполагает наличие мотивирующих признаков. Вот каким образом эти признаки отражены в народной этимологии:

«Фазаны — так что! Эта сопоставлялося с птичкой черной — фазаном. Вот птичка черная, фазан. И их называли “фазаняты”. Я помню, что мы их называли так. Я Зину <этническую китаянку> спросила: “Это оскорбительное слово?” — “Нет”, — говорит. Ну, а как их ищшо? У птички черна голова, фазан. “Китаец”, “китайка”, “фазан”. Я помню, мама ищшо их так называла “фозан”, “фозоняты” (Зап. от Валентины Федоровны Дидичук, 1945 г.р. (урож. п. Горациевский, Зейский р-он, Амурская обл.), г. Циолковский (Свободненский р-н Амурской обл., РФ). Соб. Я.В. Зиненко, апрель 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Коренная харбинка Наталия Николаевна Лалетина вспоминает: «А почему “фазан”... Никогда не задумывалась... Но мама их называла, она ведь с 1898 г. <рождения> И помните еще их мужиков с косами, вот и называли — “фазаново отродье”. Косы — как хвосты фазанов» (Зап. от Наталии Николаевны Лалетиной, 1935 г.р. (урож. г. Харбин), г. Рига (Латвия). Соб. А.А. Забияко, апрель 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Как видно, информантка не помнит мотивировку первичной этимологии экзонима *фазан*, однако напрямую соотносит само слово с ношением китайским населением кос. Как известно, в Цинской империи по указу маньчжурских властей косы должно было носить все китайское население как на родине, так и за ее пределами. После Синьхайской революции это правило сразу не исчезло и вышло из обихода только после 1922 г.

Экспрессивный этноним *фазан* прошел сложный путь от экзонима к этнофолизму. *Фазан* — производный гипероним от гипонима *косач*, которым на территории Приамурья и Забайкалья именуют представителей семейства фазановых — тетеревов³¹. *Косач* — «сем. фазановых, тетерев-самец, имеющий, в отличие от самки, черное оперение и удлиненные перья в хвосте. Глухарь самец имеет на хвосте черные косицы, почему и называется косачом (С. Аксаков «Записки ружейного охотника»)»³². В восприятии русских, проживающих на территориях Приамурья, Северной Маньчжурии, Приаргунья, «чужие» — китайцы, носящие косы, в соответствии с этим культурно-антропологическим признаком — *косачи*. Помимо этого, в экзониме явственно звучит и омонимичная лексема *кос-*, производная от биолого-антропологического признака *косой*, *косоглазый*, атрибутированного китайцам. Затем *косачи-китайцы* превращаются в процессе языковых метаморфоз в *фазанов*. В результате утраты детерминации (в 1922 г. китайцы окончательно перестали носить унижавшие их косы) постепенно утрачивается культурно-антропологическая семантика экзонима, но долгое время сохраняется его отрицательная

28. Елистратов В.С. Словарь русского арго (Материалы 1980–1990-х гг.). М.: Русские словари, 2000. С. 494.

29. Мазурин О. Краткий словарь криминального сленга.
URL: <http://samlib.ru/m/mazurin/slowarx.shtml>.

30. Пляскина Е.И. Названия птиц в качестве номинаций человека в романе К.Ф. Седых «Даурия» как отражение фрагмента языковой картины мира забайкальских казаков // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция: сборник научных статей / отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь: Ариал, 2016. Т. 2. С. 485–497.

31. Бёме Р.Л., Грачёв Н.П., Исаков Ю.А. Птицы СССР. Курообразные. Журавлеобразные. Л.: Наука, 1987. С. 257.

32. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 2 / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999. С. 110.

биолого-антропологическая коннотация, связанная с разрезом глаз (*косоглазием*). Причем признак необычного разреза глаз сменяется прямым значением слова «косоглазый» — имеющий дефект зрения: «А мы их еще... эта... “фазанами” звали, да... И потом еще, когда ругались друг на друга, если кто играет в мяч, не попадает: “Эй, ты, фазан! Мазила *косой*”», — вспоминает информант о 40-х годах XX века (Зап. от Валентины Георгиевны Вороновой, 1935 г.р. (урож. п. Дмитровка, Амурская обл.), г. Благовещенск (РФ). Соб. А.П. Забияко, апрель 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

В романе К.Ф. Седых «Даурия» экспрессивный этноним *фазан* семантически связан со словами *китаец, жирный, косой, приискатель*:

«Часто по вечерам, когда после ужина курили у костра, Сахалинец жаловался на бедную дневную выработку и вслух мечтал о том, чтобы *пожиться золотом от китайцев, идущих за границу с таежных приисков*. Он хвастался, что они с Томским не раз встречали и ощипывали до последнего перышка *жирных фазанов*, как называл он людей из-за Аргуни. У артельщиков от его рассказов разгорались глаза <...>

– <...> Мне только бы попался *фазан* в глухом месте, я сразу кишки из него выпущу <...> Они мне вот где сидят, — похлопал Сахалинец себя по затылку. — Тут *этих косых приискателей* развелось видимо-невидимо. *Плюнь — попадешь в китайца*»³³.

В лингвокультурном сознании трёхреченцев данная мотивировка, связанная с омонимичными семами *кос-* (*коса, косой*), была утрачена уже в первом поколении: «А что эта — “фазан”?», — спрашивает Варвара Ушакова, сама рассказавшая об этом прозвище (Зап. от Варвары Ушаковой 辛桂云, Xin Quiyun, 1945 г.р. (урож. п. Сиратуй), г. Лабдарин (КНР). Соб. Чжан Жуян, апрель 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ]. Любопытно, что в ее лингвокультурном сознании как носительницы маргинальной этничности фиксируется только отрицательная коннотация, связанная с *дефектом зрения*: «“Фазан с четырьмя глазами!” — так их ишшо звали. Не знаю, кто фазан. Сказали — какой-то животный. А что эта за животный с четырьмя глазами???». (Зап. от Варвары Ушаковой 辛桂云, Xin Quiyun, 1945 г.р. (урож. п. Сиратуй), г. Лабдарин (КНР). Соб. Чжан Жуян, апрель 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ]. Варвара выросла в годы «культурной революции», когда «шкурить» русских пришли в Трёхречье китайцы-революционеры, многие из которых были в очках. Именно в эти годы, очевидно, экзоним *фазан* окончательно превратился в этнофолизм и приобрел новое осмысление в этнической дразнилке по отношению к обидчикам-китайцам.

Тирьда

Аналогичная, хотя и более запутанная, история произошла в бикультурном сознании трёхреченцев с малоизвестным экзонимом *тирьда*. На просьбу вспомнить песни или частушки о китайцах Таисия Петухова, русская по происхождению, спонтанно пропела:

*Тирьда по воду поехал,
Тирьда за угол задел,
Тирьда бочку опрокинул,
Тирьда песенку запел!*
– А кто такой *тирьда*?

– Так это русски так китайцыв звали, каторы воду возили» (Зап. от Таисьи Николаевны Петуховой, 1931–2016 (урож. д. Драгоценка), д. Караванная (КНР). Соб. За-

33. Седых К.Ф. Даурия. Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1975. С. 431. Цит. по: Пляскина Е.И. Названия птиц в качестве номинаций человека в романе К.Ф. Седых «Даурия» как отражение фрагмента языковой картины мира забайкальских казаков... С. 485–497.

бияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуян, Ван Цзянлинь, июнь 2015 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Но почему китаец — именно *тирьда*?

Первоначально русские соавторы исследования предположили, что данная номинация возникла по аналогии с экзонимом «варвар» — в процессе субстантивации звукоподражания непонятной чужой речи. Логика наших рассуждений сводилась к тому, что непонятный для русских язык китайцев звучал для них как «тыр-тыр-тыр». Человек, говорящий на таком языке — *тырда, тирьда*.

Однако китайский соавтор в данном слове услышал китайскую основу, и не случайно. В китайском языке 滴里嘟噜³⁴ (Dī lǐ dū lū, «диридулу») — перечисление подробностей, которые являются лишними и необязательными.

Кроме того, в разных диалектах китайского языка (северном — чанчуньском, хэйхэском; центральном — хэнаньском) есть похожие слова — глагольно-междометные формы, характеристики образа действия, в основе которых также лежит звукоподражание.

Так, диригуала (хэйх.) — 叽里呱啦 (Jīlǐguā lā) — умение быстро и свободно говорить. Пример: 他的俄语说得叽里呱啦的 (Tā de èyǔ shuō dé jīlǐguā lā de) Он по-русски диригуала <быстро и свободно> говорит.

Диридала (хэн.) — 滴里搭拉 (Dīlǐdā lā): например:

1. 雨滴里搭拉地下着 (Yǔ dī lǐ dā lā dì xià zhe) Дождь диридала идет (непрерывный дождь идёт как линия).

2. 他跟我说得挺快, 滴里搭拉-滴里搭拉, 我也没听明白给我说的是啥 (Tā gēn wǒ shuō dé tǐng kuài, dī lǐ dā lā - dī lǐ dā lā, wǒ yě méi tīng míng bái gěi wǒ shuō de shì shà)。Он мне быстро говорит диридала-диридала, я ничего не понимаю, что он мне говорил.

3. 《红楼梦》第五回:“侄孙子、重孙子、灰孙子、滴里搭拉的孙子、孙女儿、外孙女儿、姨表孙女儿、姑表孙女儿... 噯哟哟!真好热闹!” (“Hónglóumèng” dì wūsì huí: “Zhīsūnzi, chóng sūnzi, huī sūnzi, dī lǐ dā lā de sūnzi, sūn nǚ’ér, wàisūnnǚ’ér, yíbiǎo sūn nǚ’ér, gūbiǎo sūn nǚ’ér... āi yō yō! Zhēn hǎo rènao!”) в книге «Сон в красном тереме» использовано слово диридала 滴里搭拉: «Внук (племянника), правнук, внук дальнего родственника, диридала <дальше все внуки>».

4. Диританлан (чанчуньск.) — 滴沥啞啞 (Dīlǐtānglāng), пример: 1. 他滴沥啞啞跟我讲 (Tā dīlǐ tāng lāng gēn wǒ jiǎng). «Он диританлан <много и быстро> мне говорил» 2. 他走道儿时候这双拖鞋滴沥啞啞的 (Tā zǒudào er shíhòu zhè shuāng tuōxié dīlǐ tāng lāng de.). «Когда он ходит, то его шлепанцы диританлан шумят».

Таким образом, номинация *тирьда*, скорее всего, первоначально появилась в китайском языке из глагольной формы — как экзоним по отношению к непонятно говорящим русским. Однако дразнилка, обращенная к русским, «говорящим диридала», то есть быстро и непонятно, совпала уже с восприятием русскими носителями языка китайцев (по принципу «сам ты диридала»). Постепенно «диридала» (тиридала) по закону усечения основы превратилось в оптимальную пиджинизированную словоформу — *тирьда*, употребляемую теперь русскими жителями Трёхречья по отношению к китайцам. Билингвальный текст трёхреченской припевки стал результатом обратной этнической переадресации экзонима³⁵.

34. Сянь дай хань юй цзы дьянь: [Современный словарь китайского языка]. Пекин: Шан у ин шуа гуань, 2002. С. 268.

35. Забияко А.А., Чжан Жуян. Русско-китайский фольклорный текст Трёхречья как форма выражения маргинальной этничности русской народности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. № 3. С. 206–215.

Выводы

История возникновения, бытования, фольклоризации локальных экзонимов в этнолокальных группах русских и китайцев, с одной стороны, отражает типичные для конца XIX — начала XX в. процессы русско-китайского взаимного восприятия на территории Маньчжурии, российского Дальнего Востока и Забайкалья. С другой стороны, в этой истории образов отражаются своеобразие русской и китайской ментальностей, сходства и различия в восприятии другой этнической группы и её вербальной номинации.

Литература

- Бёме Р.Л., Грачёв Н.П., Исаков Ю.А. Птицы СССР. Курообразные. Журавлеобразные. Л.: Наука, 1987.
- Блохин Б.В. Г.С. Новиков-Даурский — собиратель фольклора // Да ведают потомки... (к 100-летию Амурского областного краеведческого музея). Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей, 1991.
- Елистратов В.С. Словарь русского арго (Материалы 1980–1990-х гг.). М.: Русские словари, 2000.
- Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 17.
- Забияко А.А., Сенина Е.В. Образ восприятия Китая и китайцев в советской литературе и публицистике 1920–1940 гг. // *Rossica Olomucensia*. Olomouc, 2019. Vol. LVIII. Num. 1.
- Забияко А.А., Чжан Жуян. Русско-китайский фольклорный текст Трёхречья как форма выражения маргинальной этничности русской народности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. № 3.
- Забияко А.П. Категории «свой» — «чужой» в этническом сознании // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Материалы III междунар. науч. конф. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2003. Вып. 5.
- Забияко А.П. Этническое сознание и этнокультурные константы как фактор русско-китайских отношений // Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2009.
- Забияко А.П., Забияко А.П. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Изд-во Института археологии, антропологии и этнографии Российской академии наук, 2017.
- Забияко А.А. «Кто ты, чьей семьи подкидыш?»: проблема этничности в культурном сознании дальневосточных эмигрантов (М. Щербаков, Н. Резникова, А. Несмелов) // Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016.
- Мазурин О. Краткий словарь криминального сленга. URL: <http://samlib.ru/m/mazurin/slowarx.shtml>.
- Младенова О.М. Русское ходя // Этимология (2006–2008) / под ред. Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлева, Л.В. Куркиной, И.П. Петлевой. М.: Наука, 2010.
- Мокшин Н.Ф. Мордва — этноним или этнофолизм? // Советская этнография. 1991. № 4.
- Мэнвэй Чэжу, Милянчук Н.С. Изображение китайского характера в произведениях русского писателя дальневосточной эмиграции Михаила Щербакова // Межкультурная коммуникация в новой эпохе: теория и практика: Сб. науч. трудов. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2019.
- Пляскина Е.И. Названия птиц в качестве номинаций человека в романе К.Ф. Седых «Даурия» как отражение фрагмента языковой картины мира забайкальских казаков // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция: сборник научных статей / отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь: Ариал, 2016. Т. 2.
- Седых К.Ф. Даурия. Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1975.
- Словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов. М.: ОГИЗ, 1949.
- Словарь русского языка: В 4 т. Т. 2 / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999.
- Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940.

- Широкогоров С.М.* Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп). М.: Наука, 2017.
- Го Вэньшэнь.* Е ло сы го цзя мин чэн бянь цянъ као — Цун «Лоча» дао «Е ло сы»: [Изучение изменения названия Российского Государства с «Лоча» в «России»] // Цзян вэй лунь тань: [Трибун Цзянвэй]. 2010. № 3.
- Да цзы хай чжун го цзинь дай ши цзюань: [Большой словарь китайской новой и новейшей истории]. Шанхай: Шан хай цы шу чу бань шэ, 2013.
- Дин Лин.* Ши жэнь я лов: [Поэт Ялов] // Дин Лин. Вэнь цзи: [Избранное]. Пекин: Жэнь минь вэнь сюе чу бань шэ, 1981.
- Лю Цзэжун.* Э хань да цзы дьянь: [Большой китайско-русский словарь]. Пекин: Шан у инь шуа гуань, 1960.
- Сянь дай хань юй цзы дьянь: [Современный словарь китайского языка]. Пекин: Шан у ин шуа гуань, 2002.
- Тан Гэ.* Чжоу го дун бэй ди цой э и: Цзу чэн хэ цюнь цзу жэнь тун: [Русские потомки в Северо-восточном районе Китая: название народности и идентификация этнической группы] // Си бо ли я янь цзю: [Исследование Сибири]. 2004. № 5.
- Чжун го ли ши да цзы дьянь: [Большой словарь китайской истории]. Шанхай: Шан хай цы ту чу бань шэ, 2010.
- Шань бэй минь гэ цзи: [Народные песни Севера Шэньси]. Пекин: Синь хуа шу дьянь, 1950.
- Ши Янь.* Мань юй «locha» хэ «ogos» дэ юй лай тань си: [Изучение происхождения маньчжурских слов «locha» и «ogos»] // Си бэй минь цзу янь цзю: [Исследование Северо-западных народностей]. 2013. № 1.
- Шу Цюнь.* У го цзи дэ жэнь мэнь: [Апатриды] // Шу Цюнь. Чжаныди: [Поле боя]. Шанхай: Бэй синь шу шэ, 1938.

References

- Byome R.L., Grachyov N.P., Isakov Yu.A.* Pticy SSSR. Kuroobrazny`e. Zhuravleobrazny`e. L.: Nauka, 1987.
- Bloxin B.V. G.S. Novikov-Daurskij — sobiratel` fol`klora* // Da vedayut potomki... (k 100-letiyu Amurskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya). Blagoveshhensk: Amurskij oblastnoj kraevedcheskij muzej, 1991.
- Elistratov V.S.* Slovar` russkogo argo (Materialy` 1980–1990-x gg.). M.: Russkie slovari, 2000.
- Zabiyako A.A., Zabiyako A.P., Zinenko Ya.V., Chzhan Zhuyan.* Fol`klor russkoyazy`chnoj diaspory` Tryoxrech`ya kak osnova soxraneniya e`tnichnosti // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. T. 17.
- Zabiyako A.A., Senina E.V.* Obraz vospriyatiya Kitaya i kitajcev v sovetskoj literature i publicistike 1920–1940 gg. // Rossica Olomucensia. Olomouc, 2019. Vol. LVIII. Num. 1.
- Zabiyako A.A., Chzhan Zhuyan.* Russko-kitajskij fol`klorny`j tekst Tryoxrech`ya kak forma vy`razheniya marginal`noj e`tnichnosti russkoj narodnosti // Social`ny`e i gumanitarny`e nauki na Dal`nem Vostoke. 2019. № 3.
- Zabiyako A.P.* Kategorii «svoj»—«chuzhoj» v e`tnicheskom soznanii // Rossiya i Kitaj na dal`nevostochny`x rubezhax: Materialy` III mezhdunar. nauch. konf. Blagoveshhensk: Izd-vo Amur. gos. un-ta, 2003. Vy`p. 5.
- Zabiyako A.P.* E`tnicheskoe soznanie i e`tnokul`turny`e konstanty` kak faktor russko-kitajskix otnoshenij // Zabiyako A.P., Koby`zov R.A., Ponkratova L.A. Russkie i kitajcy: e`tnomigracionny`e processy` na Dal`nem Vostoke / pod red. A.P. Zabiyako. Blagoveshhensk: Izd-vo Amur. gos. un-ta, 2009.
- Zabiyako A.P., Zabiyako A.P.* Russkie Tryoxrech`ya: osnovy` e`tnicheskoy samoby`tnosti. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arxeologii, antropologii i e`tnografii Rossijskoj akademii nauk, 2017.
- Zabiyako A.A.* «Kto ty`, ch`ej sem`i podkidy`sh?»: problema e`tnichnosti v kul`turnom soznanii dal`nevostochny`x e`migrantov (M. Shherbakov, N. Reznikova, A. Nesmelov) // Zabiyako A.A. Mental`nost` dal`nevostochnogo frontira. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2016.
- Mazurin O.* Kratkij slovar` kriminal`nogo slenga. URL: <http://samlib.ru/m/mazurin/slowarx.shtml>.
- Mladenova O.M.* Russkoe xodya // E`timologiya (2006–2008) / pod red. Zh.Zh. Varbot, A.F. Zhuravleva, L.V. Kurkinoj, I.P. Petlevoj. M.: Nauka, 2010.
- Mokshin N.F.* Mordva — e`tnonim ili e`tnofolizm? // Sovetskaya e`tnografiya. 1991. № 4.
- Me`nve`j Chzhu, Miylanchuk N.S.* Izobrazhenie kitajskogo xaraktera v proizvedeniyax russkogo pisatelya dal`nevostochnoj e`migracii Mixaila Shherbakova // Mezhluk`turnaya kommunikaciya v novoj

e' poxe: teoriya i praktika: Sb. nauch. trudov. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvenny'j pedagogicheskij universitet, 2019.

Plyaskina E.I. Nazvaniya pticz v kachestve nominacij cheloveka v romane K.F. Sedy'x «Dauriya» kak otrazhenie fragmenta yazы'kovoј kartiny' mira zabajkal'skix kazakov // Russkij yazы'k v polikul'turnom mire: X Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya: sbornik nauchny'x statej / otv. red. E.Ya. Titarenko. Simferopol': Arial, 2016. T. 2.

Sedy'x K.F. Dauriya. Irkutsk: Vost.-Sib. izd-vo, 1975.

Slovar' russkogo yazы'ka / sost. S.I. Ozhegov. M.: OGIZ, 1949.

Slovar' russkogo yazы'ka: V 4 t. T. 2 / pod red. A.P. Evgen'evoj. M.: Russkij yazы'k, 1999.

Tolkovy'j slovar' russkogo yazы'ka: V 4 t. T. 4. / pod red. D.N. Ushakova. M.: Gos. izd-vo inostr. i nacz. slov., 1940.

Shirokogorov S.M. Social'naya organizaciya severny'x tungusov (s vvodny'mi glavami o geografii rasseleniya i istorii e'tix grupp). M.: Nauka, 2017.

Go Ve'n'she'n'. E lo sy' go czzya min che'n byan' czyan' kao — Czun «Locha» dao «E lo sy'»: [Izuchenie izmeneniya nazvaniya Rossijskogo Gosudarstva s «Locha» v «Rossii»] // Czzyan ve'j lun' tan': [Tribyun Czzyanve'j]. 2010. № 3.

Da czzy' xaj chzhun go czzin' daj shi czzyuan': [Bol'shoj slovar' kitajskoj novoj i novejshej istorii]. Shanxaj: Shan xaj cy shu chu ban' she', 2013.

Din Lin. Shi zhe'n' ya lov: [Poe't Yalov] // Din Lin. Ve'n' czzi: [Izbrannoe]. Pekin: Zhe'n' min' ve'n' syue chu ban' she', 1981.

Lyu Cze'zhun. E' xan' da czzy' dyan': [Bol'shoj kitajsko-russkij slovar']. Pekin: Shan u in' shua guan', 1960.

Syan' daj xan' yuj czzy' dyan': [Sovremenny'j slovar' kitajskogo yazы'ka]. Pekin: Shan u in' shua guan', 2002.

Tan Ge'. Chzhou go dun be'j di czyuj e' i: Czzu che'n xe' czyun' czzu zhe'n' tun: [Russkie potomki v Severo-vostochnom rajone Kitaya: nazvanie narodnosti i identifikaciya e'tnicheskoj grupy'] // Si bo li ya yan' czzyu: [Issledovanie Sibiri]. 2004. № 5.

Chzhun go li shi da czzy' dyan': [Bol'shoj slovar' kitajskoj istorii]. Shanxaj: Shan xaj cy tu chu ban' she', 2010.

Shan' be'j min' ge' czzi: [Narodny'e pesni Severa She'n'si]. Pekin: Sin' xua shu dyan', 1950.

Shi Yan'. Man' yuj «locha» xe' «oros» de' yuj laj tan' si: [Izuchenie proisxozhdeniya man'chzhurskix slov «locha» i «oros»] // Si be'j min' czzu yan' czzyu: [Issledovanie Severo-zapadny'x narodnostej]. 2013. № 1.

Shu Czyun'. U go czzi de' zhe'n' me'n': [Apatridy'] // Shu Czyun'. Chzhan'di: [Pole boya]. Shanxaj: Be'j sin' shu she', 1938.